

УДК 94(47).05+94(497.16)

ДВА СЛАВЯНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ, ИЗМЕНИВШИХ ЛИЦО СТРАНЫ: ПЁТР I ВЕЛИКИЙ И ПЁТР II НЕГОШ

© 2013 В.А. Артамонов

Институт российской истории РАН, г.Москва

Поступила в редакцию 07.09.2013

Судьбу великой России и небольшой Черногории в равной мере изменили два реформатора – Пётр I (1672-1725) и Пётр II Негош (1813-1851). Оба государя были законодателями и самодержцами, имели широкий кругозор, ясный природный ум, огромную работоспособность и неуёмную любознательность. Два славянских гения вырвали свои народы из отсталости.

Ключевые слова: Россия, Черногория, Сербия, славянская солидарность, борьба с консерватизмом.

Император Пётр I Великий (1672-1725) самодержавно правил на двух континентах населением в 15,6 млн. человек. Радивой-Раде Томов Петрович – позже Пётр II Петрович Негош (1813-1851) – с 1830 г. был священнодьяконом и правителем Черногории, раздробленные племена которой насчитывали 80-107 тыс. человек. Мощь военно-феодальной России царь Пётр поднял беспощадной эксплуатацией русских крепостных. Негошу предстояла задача сплотить племена в единое целое.

Среди картин у Негоша были изображения императора Николая I, Бонапарта, Г.П. Карагеоргия, Байрона, но самым громадным был портрет Петра Великого. Сравнение Петра II Петровича не с его современником – прямолинейным консерватором Николаем I (1796-1855), а с первым русским императором позволяет рельефнее выделить достоинства великого черногорца.

Характеры Петра Великого и владыки Чёрной Горы были контрастными, но оба одиноких реформатора вдохновлялись патриотизмом – вывести свои народы на путь передовых стран¹. Национальной идеей царя была не «Москва – Третий Рим», а «Общее благо подданных»². Шире, в масштабах Космоса, мыслил Негош: «Благо всех – вот цель государства и всего человечества. Придёт царство разума... Человечество быстро идёт вперёд. Оно созревает вместе с планетой, на которой живёт»³. «Огненный нрав», решительность и сильная воля были у обоих. И царь Петр, и владыка Негош были законодателями, знатоками европейской политики и истории⁴, оба имели широкий кругозор, ясный природный ум, огромную память и работоспособность, неуёмную любознательность и презирали роскошь. Оба обладали кипучей энергией, могли и хотели делать всё. Ничего для себя – всё для преобразования подданных. Русский царь был полководцем, флоратором

Артамонов Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. E-mail: ovarta@mail.ru

товодцем, дипломатом, ученым, корабелом, врачом. С крайним напряжением сил поднимая империю, он искал отдых в токарной работе, шумных пиршествах и не стеснялся изливать на подчинённых свой гнев. Великий поэт и философ Негош в молодости интересовался механикой, географией и картографией⁵. За строгой монашеской жизнью, за приветливостью, обходительностью и невозмутимостью⁶ в душе копилась неудовлетворённость, порой и «лутина»-злость. Когда после известий о кровавых набегах турок он впал в ярость, его слова «вылетали как пули из ружья». Из-за огромного, изо дня в день, внутреннего накала владыка во время бесед «непрерывно ходил по комнате как зверь в клетке»⁷. За год до смерти он говорил: «Моя душа убила тело. Не жаль, что умру, жаль, что не совершил в своей жизни ничего значительного» (для освобождения южных славян)⁸. Умеренный в еде и питье (но как все черногорцы курия крепкий табак), разрядку он обретал не в молитве (литургия в Цетинье им служилась не часто), а в «священном призвании» – поэтическом творчестве и пении героических песен народа, глядя из окна на восходящее солнце⁹.

Ни царь Пётр, ни Радивой-Раде в отрочестве не получили добротного образования. Но если пылкий поэт С. Милутинович-Сарайлия (1791-1847) в 1827-1830 гг. внушал своему ученику Раде (выглядевшему в 13 лет на 18) походить на спартанцев, терпеть невзгоды и не сдаваться врагам, то учитель царя и будущий «всешутейший патриарх» Н.М. Зотов (1644-1718) не смог обучить царского отпрыска полноценной грамоте и был не против бражничества. Оба властных правителя всем были обязаны только своему гению и самообразованию. Оба выглядели силачами-великанами. Правда, худощавый и узкоплечий царь Пётр выглядел скромнее статного атлета Раде Петровича, который ростом превышал своих породистых соплеменников¹⁰.

Независимая и непокорённая Черногория с 1496 г. по 1878 г. де юре считалась составной частью Османской империи. До Негоша на европейской арене её политический вес был почти незаметным и судьба отчаянно боровшегося с турками народа была ещё не определена. В России, традиционно соперничавшей с Османской империей, «экзотическая» Черногория с её непримиримой ненавистью к туркам воспринималась независимым государством и прочной русской опорой на Балканах.

Как правило, черногорские владыки возводились в духовный сан сербскими патриархами. Вояж православного архимандрита Петра II Петровича в 1833 г. в Россию стал таким же переломным, как путешествие Петра Великого на Запад в 1696-1697 гг. Поездкой в Петербург, увенчанной блестящим успехом, Негош достиг двух целей – восстановил материальную и моральную помощь великой империи и укрепил свой авторитет среди соплеменников¹¹. Ведь для черногорцев, начиная с призыва Петра Великого к восстанию против турок в 1711 г. – «*Ex Oriente Lux*»! Русофильство в Черногории было сильнее, чем в любой славянской земле. «Све у име Бога великого и за здравье цара русијского» – пелось в черногорских песнях¹².

Возвышавшийся над Николаем I 20-летний красавец-богатырь польстил императору, сказав, что «только Господь Бог может быть выше русского царя». 6 августа 1833 г. весь Синод торжественно в присутствии императора, двора и свиты рукоположил молодого архимандрита в епископы в Спасо-Преображенском соборе Петербурга. владыку Негоша осыпали драгоценными церковными дарами и деньгами. Николай I именовал его «приятелем и братом» и обещал защищать Черногорию¹³. Очарованное русское дворянство одарило владыку своим радушием. В свой ранний «звёздный час» Негош писал: «*Не знаю, на земле ли я, но, полагаю, поднятый крыльями Дедала смотрю с воздуха, или во сне вижу столицу единоверного и единоплеменного царя славянского... Русский народ велик, а цари народа русского великие. Всемогущая рука Творца излила благодать на царя России и весь его Дом*»¹⁴. После визита в Петербург владыка, одушевлённый поддержкой с севера, по примеру русских самодержцев мог твёрдо и уверенно проводить централизацию. Радикализм реформ Негоша был под стать «петровским», проведённым в первой четверти XVIII в. Ещё в 1831 г. он учредил, как и в России, при помощи «черногорских депутатов» («российских представителей») И. Вукотича и М. Вучичевича надплеменной Сенат из 16 виднейших племенных старейшин¹⁵, потом суд, государственную казну и вообще

трехстепенное налогообложение на все черногорские семейства¹⁶. Новый кодекс законов 1833 г. («Законы Отечества»), подготовленный И. Вукотичем и нацеленный на борьбу с анархией, усиление кары за измену, грабежи, взяточничество и телесные наказания, не был введён в действие из-за отпора черногорцев и трений с Негошем¹⁷.

В 1834 г. Пётр II написал сборник стихов «Цетиньский пустынный» во славу Николая I и России, которую считал матерью, центром православия и славянства. «*О, славянство... Храбрый русский да будет твоим вождем на пути к славе... Москва, Нева, Волга, Дон! Пусть вскипят ваши воды и потекут быстро... Гласите славные дела, пусть весь мир ими наполнится, пусть удивляются потомку Романова, пусть все народы знают, какого царя имеет славянин: правосудного, милостивого, в делах мудрого и великого, на ратном поле храброго, на престоле великодушного*»¹⁸. Как и Пётр Великий, он учредил черногорские правительственные награды – серебряную медаль «Вера свобода – за храбрость» (1841) и золотую медаль сербского героя Милоша Обилича (1847).

Все административные структуры были поставлены на содержание правителя. Сбор налогов¹⁹ и русские дотации шли на благоустройство и просветительские нужды, прокладку дорог, производство пороха, на первые шесть светских школ и типографию в Цетинье, печать учебной, церковной и художественной литературы; ученики посылались в Россию и Сербию. Негош, как и Пётр Великий, прежде всего был просветителем страны. В 1834 г. он открыл первую светскую школу в Цетинье, куда принимались дети со всей Черногории и где, кроме Ветхого и Нового Заветов, преподавались арифметика, всеобщая история и сербская грамматика²⁰. Петербург одобрял укрепление власти владыки.

Не силой, как Пётр I, а главным образом превосходством ума, воли и духа Негош укрощал раздоры, сепаратизм, грабежи и кровную месть (от которой, по его словам, ежегодно гибло 300-600 человек). Случалось ему и с риском для жизни раскидывать руками враждующие вооружённые толпы, «налетая как орёл на кур» (так писал его биограф М. Медакович), и оружием подавлять сопротивление реформам и бунты (1833, 1835, 1841 гг. и племён пиперов и цермичан в 1846-1847 гг.)²¹. Французы (Ж. Ренак) сравнивали его даже с царём «Сербов и греков» Стефаном Душаном (1308-1355) и с кардиналом А.Ж. Ришелье (1585-1642) – сторонником прогресса и цивилизации. Как Ришелье, он был милосерден в подавлении мятежей и племенного сепаратизма²². Турки полагали, что со времён Косовской битвы 1389 г. сербы не имели таких

сильных правителей²³. Владыка ввёл расстрелы за убийства, шпионаж и измену, но лично, как царь Пётр I, никого не казнил, а только присутствовал при исполнении приговора, чтобы исключить кровную месть судьям. Нельзя считать чрезмерным число ликвидированных господарём непримиримых противников – всего 83 человека²⁴. «Душа моя не терпит безначалия» – писал он. Негош с горечью говорил: «Я – государь среди варваров и варвар среди государей». То же мог повторить о себе и царь.

Пётр Великий поднял авторитет Петербурга мощами св. князя Александра Невского. Сакральным символом для разрозненных черногорских племён был Цетиньский монастырь, и Негош провозгласил своего предшественника – владыку Петра I Негоша (1748-1830) Святым Петром Цетиньским на четвёртый год после его смерти.

Югославский политик и литератор М. Джилас (1911-1995), следуя стереотипам марксизма, писал, что крестьянство Черногории с запозданием выбивалось из феодализма и не было охвачено капитализмом²⁵. Но положение Черногории при владыке Раде было много сложнее, чем в империи Петра Великого, который унаследовал государственный аппарат от первых Романовых. После разгрома средневекового Сербского царства с его высокоразвитым феодализмом среди сербов в суровых условиях Черногории возродилась военная демократия, сравнимая с временами массового расселения славян в VI-VIII вв.²⁶ Ожили родоплеменные структуры и кровная месть, иногда перераставшая в межплеменные войны²⁷. Черногория, дававшая пример сербам Австрии и Турции своей упорной освободительной войной (три пятых смертей черногорцев приходилось на гибель в боях и от ран)²⁸, была аморфной, с открытыми границами (кон)федерацией племён. «Свободы сербское гнездо», «Гнездо воинственной гордости» – писал влюблённый в родную землю владыка. Он считал черногорцев свободными и независимыми людьми в отличие от «добровольного рабства», распространённого у австрийцев и русских²⁹, и что ни за какие блага он не отдаст даже обледеленую скалу – она полита кровью героев.

Противоборство могучего духа владыки с тисками внешней среды высекло огонь героической поэмы «Горный венец». Эта «сербская Илиада» стала «национальной библией» везде, где говорили по-сербски. (С. Вулович, Л. Костич). В ней «спартанская» Черногория сопротивлялась космогоническим силам Зла³⁰. Воспевая героизм: «Славно мрите, кад мријете морате!» («Погибайте со славой, если должны умереть!»), владыка крепил силу народа. Поэт-философ встал в ряд с Гомером, Байроном, Гёте, Шекспи-

ром³¹. Героика Негоша через столетия приняла эстафету от народных эпосов Гесер, Манас, Алпамыш, Олонхо, Джангар, Нарты, Беовульф, Эда и русских былин. Дух Негоша горел не только местной черногорской, но общесербской³², югославянской, всеславянской и общечеловеческой идеей объединения³³.

Русскому самодержцу, который не заботился о том, чтобы стать «народным царём», Сенатом и Синодом в 1721 г. был поднесён титул Императора и «Отца Отечества». Ближнее окружение уважало, боялось и трепетало от взрывов его гнева, народ почитал своего венценосца далёкой святыней. Черногорцы не имели чёткого представления о государственной власти и в целом ориентировались на монархическую форму правления³⁴. Каждый черногорец в любое время имел свободный доступ к господарю. В 1845 г. Негош получил грамоту от Синода России о возведении его в сан митрополита. Он, как воитель за сербское единство, стал «отцом нации», подобно Джорджу Вашингтону, Сунь Ятсену, Кемалю Ататюрку, Махатме Ганди. Соплеменники отвечали ему восторженной любовью. Если царя Петра I охраняли преданные ему гвардейские полки, то Негоша охраняла вся Черногория. Как духовное лицо и воевода он давал высокий пример для подданных, в отличие от безудержных кутежей царя. Культ «владыки Раде» возник ещё при его жизни. В 1847 г. при возвращении из Вены господаря встречали, целуя его руки с восхищением и слезами радости, под гром непрерывного салюта из ружей³⁵.

Царь-практик не задавался вопросами соотношения Зла и Добра. Пётр II Петрович был философом-метафизиком Земли, Вселенной, тела и духа³⁶. В религиозно-философском произведении «Лучи микрокосма» поэт раскрыл борьбу «сербского кровавого утёса» с «адам» Османской империи как часть мировой войны человечества со Злом³⁷. Сербское несчастье и Зло в Черногории зародились в Космосе.

Оба великих реформатора считали, что допустимо злом бороться со Злом³⁸. Многократно цитировались его знаменитые строки: «Ал' тирјанству стати ногом за врат, то је дужност људска најсветија». («Но тиранству стать пятой на горло – это долг людской, наисвятейший!»). Негош-визионер полагал, что человек создан до сотворения Земли, что Бог – это мысль и животворящий огонь Вселенной, что планета, осквернённая мерзостью Зла и крови, сгорит от космического огня. «Негоша-великомученика» терзал вопрос, почему на Земле сочетаются красота и демонический ужас³⁹. Можно согласиться с тем, что Негош, видя страдания сербов под игом, был «глубокий пессимист»⁴⁰, в отличие от холе-

рика-оптимиста Петра I, для которого был открыт весь мир.

О слепом копировании владыкой русского опыта не могло быть и речи. Царь ненавидел и «ломал через колено» ретроградное прошлое – немилосердно резал русские кафтаны и бороды, вводил парики «львиная грива» и сшибал колокола с церковей. Негош, напротив, старался вписаться в национальный характер. Привлекая сердца воинов, он охотился, «летал, как стрела на коне», бил без промаха из ружья в подброшенный лимон, метко стрелял на дистанцию в 800 м из пушки по позициям албанцев, захвативших в 1843 г. два черногорских острова на Скадарском озере. Владыка был влюблён в обычаи своего народа и после посещения Петербурга не только отказался вводить европейский костюм, но сам демонстративно одевал (и позировал перед художниками) расшитую золотом национальную одежду. Русский царь ликвидировал патриархат и превратил церковь в придаток государственной машины. Негош редко одевал мантию, и «современники не раз повторяли его слова о том, с какой радостью он сбрил бы бороду митрополита»⁴¹. Возможно, утвердив личное самодержавие, которого не было у прежних владык, Негош был бы не прочь принять титул светского князя, но приходилось уступать традиции – народ признавал только духовного владыку⁴².

Пётр II разбивал стереотип о том, что черногорцы – «кровавая банда разбойников и убийц», и утверждал, что они способны к прогрессу и цивилизации. Вместе с тем владыка Раде не сразу покончил со свирепым азиатским обычаем отрезания вражеских голов и насаживания этих «трофеев победы» на колья на башне перед Цетиньским монастырём, оправдываясь тем, что отмену этого народного обычая турки сочтут за трусость и усилят свои нападения⁴³.

Отношения России и Черногории при Негоше были «на равных». В инструкции 1838 г. инженеру Е.П. Ковалевскому предписывалось соблюдать крайнюю «скромность и осторожность», уважение к владыке и уклонение от вмешательства во внутренние дела, чтобы не возбуждать подозрений у турок и австрийцев. Благодаря русскому содействию в 1839-41 гг. были размежеваны австрийские владения с черногорскими⁴⁴.

Выдворенные из страны председатель черногорского Сената И. Вукотич, а также М. Вучичевич, родственники властолюбивого гувернадура⁴⁵ С. Радоница и русский консул в Дубровнике (с 1815 г.) серб Е. Тагич (1783-1859) порочили Негоша, который говорил, что он не принадлежит ни России, ни Австрии, ни Турции. «Россию люблю, но не люблю, когда мне по любому случаю дают понять цену русской помощи»⁴⁶. Чер-

ногория была полем борьбы между Австрией, Россией и Турцией, но письма в Турцию он принципиально подписывал как «кавалер российский». Вряд ли справедливо утверждать, что господарь с конца 1830-х гг. понял, что Россия, преследуя в Черногории свои цели, небескорыстна, и поэтому возложил надежды на «оплот демократии» – Францию⁴⁷. Нельзя сомневаться в возвышенном идеализме и искренности живого голоса Негоша, так отличавшегося от практицизма Петра I: «О, сколь Москва восхищает меня! Москва – мать царей – начало величия славянского! Москва – столица знати и святой алтарь Православия и Славянства! Я верный поклонник блистательной славы родного племени! Москва – душа души моей и сладостное сновидение, исполненное святыми, великими надеждами! Москва, единственная моя святыня, которой я жадно и усердно поклоняюсь как невинный сын природы новорожденному солнцу после ночи, возмущаемой адскими сновидениями»⁴⁸. Сообщение французского консула из Триеста 24 февраля 1847 г. о том, что Негош «обожал французов и Наполеона»⁴⁹, можно списать на стандартную дипломатическую учтивость.

В неравной борьбе за свободу владыка опирался на три главные опоры: Бога, «венценосного гения» – императора Николая I и черногорский героизм. Без русской политической защиты и помощи было бы «немыслимо выживание черногорского народа, государственных структур и Негоша, как главы этого народа... Вся его переписка ... выражает глубокую приверженность царю и русской политике»⁵⁰. (В 1837 г. Негош добился крупного успеха: при сохранении старой субсидии в 1 тыс. червонцев – щедрого увеличения ежегодной русской помощи на десятилетний срок до 80000 рублей, что помогло сформировать государственный бюджет.)⁵¹.

Несоизмерим был военный потенциал России и Черногории. В распоряжении Петра Великого, полководца и реформатора русского военного дела, полевая армия по штатам 1711 г. состояла из 62454 чел. пехоты, 43824 чел. конницы, в полковой, полевой и осадной артиллерии было более 450 орудий, гарнизонных войск было 58 тыс., казаков – 40-50 тыс. К 1853 г. в русской армии насчитывалось 1397169 чел.⁵² Негош, располагая 15-20 тысячами неустрашимых воинов, искусных в партизанской и горной войне, провёл перепись военнообязанных и завёл регулярные военно-политические отряды гвардейцев и телохранителей (перяников), которые, как и у царя, были исполнителями его воли. Во главе племён вместо племенных старейшин были поставлены «капетаны», получавшие жалованье из государственной казны. К середине XIX в. Негош почти покончил с

«кровомщением», междоусобицами и установил «по сути дела, авторитарно-монархический, абсолютистский режим правления»⁵³. Но кругозор господаря перекрывал всё, что было на тогдашнем сербском пространстве. Как и его предшественник – Пётр I Петрович, который думал о создании «Славяно-сербского» государства в составе Черногории, Боки, Герцеговины и Далмации со столицей в Дубровнике⁵⁴, Пётр II тоже мечтал об освобождении южных славян от власти турок и австрийцев, о едином государстве вплоть до Адриатики и даже о провозглашении Черногории княжеством. Как стратег он чётко понимал соотношение сил русской, османской и австрийской империй на Балканах, учитывал силу пашей в Албании, Герцеговине, Боснии и Санджаке и сознавал, как трудно сотне тысяч черногорцев держать фронт против 2 млн. боснийцев и албанцев.

В тогдашней военной истории Негош обособленно выделял Наполеона (1769-1821), австрийского эрцгерцога, полководца и военного теоретика Карла Габсбурга (1771-1847), прусского фельдмаршала Г.Л. фон Блюхера (1742-1819), английского фельдмаршала А. У. Веллингтона (1769-1852), генералиссимуса А.В. Суворова (1730-1800), вождя Первого Сербского восстания Г.П. Карагеоргия (1762-1817), австрийского фельдмаршала К.Ф. Шварценберга (1771-1820), генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова (1745-1813). Как любой державник, Пётр II стремился при содействии России расширить границы своей страны (присоединить Подгорицу, Спуж, Жабляк, Грахово)⁵⁵, но сражений, подобных тем, которые Пётр I давал в Северной войне 1700-1721 гг., черногорцы проводить не могли. Негош был стеснён в своих действиях и не мог замышлять походы за пределы Черногории, так как Российская империя в то время была заинтересована в мире с Турцией и Австрией. Однако для спасения сербства он был готов поднять восстание в Герцеговине, Боснии и Албании, с 4 тысячами черногорцев пройти сквозь турецкие владения и заставить сербскую власть воевать с турками⁵⁶. В бою у Грахово в 1843 г. полководец Негош умело воспрепятствовал соединению военных сил из Албании и Герцеговины и искусно выбрал позицию⁵⁷. В 1848 г. он предлагал «знаменосцу южных славян» – хорватскому бану Й. Елачичу выслать на помощь австрийцам 2-3 тысячи черногорцев, в 1849 г. собирался предоставить 4-5 тысяч воинов русской армии фельдмаршала И.Ф. Паскевича для подавления венгерского восстания.

Светлых минут у Негоша было намного меньше, чем у царя. Русский император никогда не сомневался, что может перекрыть страну

и мир. Он видел свои детища – новую армию, флот, «Парадиз» – Петербург, счастье великих побед и преображённую Россию. За необузданность страстей император расплатился мучительной болезнью и предсмертной 13-дневной агонией. Негош, сравнивая себя с прикованным Прометеем, тоже сознавал силу и величие своей души: «Благодарю, Тебя, Господи, ибо ты меня на Земле над миллионами душой и телом украсил». Но к концу жизни его всё сильнее угнетали политическая скованность, разочарованность в идее славянства, крах надежд на освобождение южных славян, непримиримая вражда с турками, внутренние распри и несправедливость старейшин⁵⁸. К тому же владыка Раде был скорее светским господарём, чем святым отшельником, и неизбывную тягу к женской красоте⁵⁹ не мог сублимировать в молитвенном экстазе. Всё это и особенно призрак смерти – неожиданно вспыхнувший туберкулёз исподволь подточило его здоровье. За 6 лет до смерти, в 1845 г., Негош воздвиг на горе Ловчен единственную в мире часовню-гробницу, откуда была видна любимая им Черногория. Перед смертью, в муках от боли в груди, он говорил собравшимся: «Заповедаю вам свободу и независимость Чёрной Горы, защищайте их до последней капли крови!»⁶⁰.

«Слава Тебе, показавшему нам свет!» – такая была написанная по-русски первая фраза в завещании, восхвалявшая Господа: «Насколько непостижимая великость Твоя с детства облекла меня гимном Божественной радости, удивления и красоты, настолько с ужасом глядел и оплакивал я бедственную судьбу человеческую. Слово Твоё из Ничто Всё сотворило, закону Твоему всё покорно, человек же смертен и должен умереть»⁶¹.

Великие рождаются среди больших и малых народов. Появление на севере и юге славянства двух славянских гениев не было случайным – им предназначалось вырвать свои народы из отсталости. Оба великих реформатора сожгли себя в огне деяний. Пётр II утвердил европейские органы власти и укрепил династию Негошей, которая правила до 1918 г. Забытая Богом османская провинция стала заметной страной на европейской арене. Он стал национальным героем сербского и черногорского народа и всего славянства⁶².

Сравнение двух могучих преобразователей может оправдать некорректный вопрос из сферы фантазий – а что если бы владыка Раде правил на Неве, а Пётр Великий родился среди скал в Черногории? Царь, ни на йоту не отступая от жестокости и «поднимая на дыбы» воинственные племена, был бы изгнан с Балкан или убит. Негош, которому всё было по плечу, «мягкой силой» и меньшей кровью мог бы провести та-

кие же кардинальные преобразования, как первый русский император, отстроил бы северную Пальмиру и так же упорно воевал бы с противниками. Правитель Черногории «шагал от вершины к вершине, со звезды на звезду. Он поднимал человека на высоту, чтобы оттуда видеть красоту мира»⁶³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Я решился идти путём преобразования, дабы вывести эту страну из прежнего состояния и сблизить её, хотя несколько, с прочими народами Европы». П.П. Негош – Нессельроде 20 ноября 1846 г. Негош П.П. Негошева бильежница. Цетиње, 1956. С.166-167.
- ² Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1990. С.485.
- ³ Ненадовић Л. Негош у Италији. // Савременици о Негошу. Београд, 1951. С.180.
- ⁴ Негош читал русские («Северная пчела», «Библиотека для чтения»), парижские, австрийские, загребские и стамбульские журналы, знал литературу, которая выходила в Европе о Черногории, читал крупного немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795-1886). «Для него нет ни одного неизвестного сочинения, написанного о Черногории». Г. Штиглиц, 1839. // Савременици... С.75.
- ⁵ Марјановић М. Црна Гора очима Европе 1796-1918. Београд, 2007. С.29.
- ⁶ Г. Штиглиц писал, что Негош похож на «Зевса, который с высоты Олимпа изливал благословение на Землю». // Савременици... С.73.
- ⁷ Г.Р. фон Франк, 1840 г. // Савременици... С.82.
- ⁸ Бан М. Три сусрета с владыком Радом // Савременици... С.150.
- ⁹ Медаковић М. // Савременици... С.125-126.
- ¹⁰ По антропологическим измерениям скелета в 1974 г. его рост составлял 192,56-193,44 см. Ивановић Б.М. Антропоморфолошке особине Петра II Петровића Негоша. Подгорица, 1994. С.110.
- ¹¹ Распоповић Р.М. Дипломатија Црне Горе 1711-1918. Подгорица-Београд, 1996. С.235.
- ¹² В связи с этим Черногорию даже называли «маленькая Россия», а некоторые европейцы представляли Черногорию как русскую колонию. Спасић К.Ј. Негош и французи. Допуњено француско издање. Београд, 1988. С.193, 204.
- ¹³ Јовановић Ј. Историја Црне Горе. Подгорица, 1995. С.202. В 1845 г. этому не мешал русско-турецкий союзный договор 1833 г., по которому Россия с целью усиления влияния на Востоке могла предоставлять Порте свои сухопутные и морские силы.
- ¹⁴ П.П.Негош - В.С.Караджичу, первая половина августа 1833 г. Цјелокупна дјела П.П.Негоша. Београд, 1951. Кн. 7. Писма 1830-1837. С.186.
- ¹⁵ Лавров П.А. Пётр II Петрович Негош, владыка черногорский, и его литературная деятельность. М.,1887. С.39; Распоповић Р.М. Дипломатија Црне Горе... С.148-149; Анишаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798-1856). М.,1998. С.181.
- ¹⁶ Сбор податей, напоминавший выплату хараджа туркам, неоднократно сопровождался пролитием крови. Распоповић Р.М. Дипломатија Црне Горе... С.154.
- ¹⁷ Анишаков Ю.П. Становление Черногорского государства... С.187-189.
- ¹⁸ Лавров П.А. Пётр II Петрович Негош, владыка черногорский, и его литературная деятельность. М.,1887. С.224.
- ¹⁹ «Недвижимое имущество церкви и другие доходы» приносили ежегодно 3 тыс. червонцев. Анишаков Ю.П. Черногория в первые годы XIX века // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011. С.77.
- ²⁰ Анишаков Ю.П. Становление Черногорского государства... С.192.
- ²¹ При подавлении белопавичей, восставших против введения налогов, Негош был ранен в руку. Дујовић Ј. Негош између интрига и отрова. Никшић, 1989. С.73.
- ²² Спасић К.Ј. Негош и французи... С.230, 241.
- ²³ Анишаков Ю.П. Становление Черногорского государства... С.275.
- ²⁴ Билас М. Негош. Пјесник, владар, владика. Београд-Љубљана, 1988. С.269.
- ²⁵ Билас М. Негош... С.202.
- ²⁶ «В Черногории вы увидите жизнь народа такой, как во времена Гомера», – говорил Пётр II Петрович. Бан М. Три сусрета... С.156.
- ²⁷ Возрождение дофеодальных порядков произошло и среди казаков, выселившихся из России в «Дикое поле».
- ²⁸ Черногорско-русские отношения 1711-1918 гг. Русские архивные документы о Черногории (конец XVII – середина XIX в.). Подгорица-Москва, 1992. С.233-234.
- ²⁹ Дурковић-Јакшић Љ. Енглези о Негошу и Црној Гори. Титоград, 1963. С.42.
- ³⁰ Буровић С. Филозофско-историјско разумевање Негошевог детерминизма // Друштвено-политичка мисао Негоша. Уред. Марковић М. Београд, 2006. С.75.
- ³¹ Так оценивали его И. Андрич, И. Секулич, Д.Л. Машанович. «Писать так о человеке и человечности могли только Гомер, Шекспир и Гёте». Јовићевић М. Негошева филозофија, символика етноса и архетипске динамике // Друштвено-политичка мисао Негоша... С.105.
- ³² Негош, сознавая свою силу, собирался в будущем стать Печским патриархом. Бан М. Три сусрета... С.140.
- ³³ Машановић Д.Л. Ловћенски Прометеј. Личност и дјело Петра Петровића Негоша. Београд, 1991. С.129.
- ³⁴ Коју су државну форму претпостављали Негошеви јунаци // Костић Л.М. Сабрана дела. Земун-Београд, 2000. Т.4. Негош и српство. С.150.
- ³⁵ Какo су црногорци дочекали владика Рада // Савременици... С.136-137. Как отважного духом героя, его уважали и враги-албанцы. Записи Русского вице-консула в Дубровнике А. Попова в 1842 // Савременици... С.102.
- ³⁶ Обрадовић С. Негошева метафизика // Друштвено-политичка мисао Негоша... С.31-40.
- ³⁷ Турки тоже задавались вопросом – «могут ли дьяволы быть чернее, чем черногорцы?» Спасић К.Ј. Негош и французи... С.116.
- ³⁸ Билас М. Негош... С.366, 381, 393-394.
- ³⁹ Велимировић Н. Религија Негошева. Пето издање. Шабач, 1987. Репр.: Београд, 1921. С. IX, 69, 73, 87; Недељковић Д. Негош филозоф ослободилачког хуманизма. Београд, 1973. С.28.
- ⁴⁰ Лакић З., Буровић Ж. Негошев дух и мјера // Друштвено-политичка мисао Негоша... С.123, 127.
- ⁴¹ Кутасова О. Жизнь поэта // Пётр Негош. Горный венец. Самозванец Степан Малый. М., 1988. С.28.
- ⁴² Его наследник Данило II Петрович Негош снял с себя сан митрополита и принял титул князя в 1852 г.
- ⁴³ Лејард на Цецињу 1839 // Дурковић-Јакшић Љ. Енглези о Негошу и Црној Гори. Титоград, 1963. С.40; Винингтон-Инграм на Цетињу 1844. Там же. С.115, 116-117;

- Вилкинсон у Црној Гори 1844. Там же. С.202. Позже головы врагов стали бросать заполненную водой яму перед Цетиньским монастырём. *Бан М.* Три сусрета... С.162.
- ⁴⁴ *Вишняков Я.В.* Русские дипломаты и Пётр II Петрович Негош. М., 1997. С.19-20.
- ⁴⁵ «Губернадурство» – институт светских помощников владыки для сношений с иностранными государствами – существовал с 1718 по 1833 г.
- ⁴⁶ *Бан М.* Три сусрета... С.144; *Билас М.* Негош... С.161. Пострадавший от «тоталитаризма» Джилас считал, что русские субсидии «унижали черногорцев» (С.186). Была ли «унизительной» в таком случае периодическая помощь от Венеции и Австрии? По-другому писал англичанин Ч.Лемб в 1843 г.: «Россия, мне кажется, владеет Черногорией так, как будто вся она занята её войском. В случае, если бы русская помощь пресекалась, всё бы превратилось в хаос и путаницу. Черногорцы этому вообще не противятся. Их личная независимость никак не ставится под вопрос, а законы и обычаи остаются неизменными». Лемб в Черногории 1843 // *Дурковић-Јакшић Љ.* Енглези о Негошу и Црној Гори. Титоград, 1963 С.89.
- ⁴⁷ Попытку посетить Париж он объяснял безвыходным положением своего народа. *Распоновић Р.М.* Дипломатија Црне Горе... С.239.
- ⁴⁸ Письмо Петра II в связи с избранием его почётным членом Общества истории и древностей Российских при Московском Университете. *Негош П.П.* Негошева бильежница... С.170-171.
- ⁴⁹ *Спасић К.Ј.* Негош и французи... С.145-147,150.
- ⁵⁰ *Бурковић Ж.* Негош у писмима. Подгорица, 2005. С.213-214.
- ⁵¹ Кроме этого, в 1838 г. из Одессы в Черногорию был переправлен хлеб на сумму 71 тыс. 518 руб. 64 коп. *Анишаков Ю.П.* Становление Черногорского государства... С.206, 208.
- ⁵² *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика Русской армии в Полтавский период Северной войны // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С.21-25; *Его же.* Русская армия и флот в XIX веке. М.,1973. С.16.
- ⁵³ Первоначальная численность гвардии составляла 156 чел. Как и в России, она была низшим судебным органом, следила за правопорядком, разыскивала преступников и передавала их суду в Цетинье. *Анишаков Ю.П.* Становление Черногорского государства... С.181, 209, 211, 214, 229.
- ⁵⁴ *Марјановић М.* Црна Гора очима Европе... С.16.
- ⁵⁵ *Анишаков Ю.П.* Становление Черногорского государства... С.206, 247, 288-289.
- ⁵⁶ *Бан М.* Три сусрета... С.139, 151. В целом боевые силы черногорского владыки составляли 20 000 человек. Так считал *Пејовић Б.Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Оснивање државе и услови њеног развитка. Београд, 1981. С.289. Цит. по: *Анишаков Ю.П.* Становление Черногорского государства... С.248.
- ⁵⁷ 12-15 тыс. албанцев потеряли убитыми и ранеными 150 чел., 4-4,5 тыс. черногорцев – 11 убитыми и 20 ранеными. *Муџибовић С.* Негошев допринос развоју војне мисли и вештине (1. Новембар 1813.- 19 октобар 1851) // Друштвено-политичка мисао Негоша... С.235, 237.
- ⁵⁸ Негош писал Е. Тагичу 11 ноября 1847 г., что старейшины облыжно обвиняли его в «тирании, кровожадности, славолюбии и воинственности». *Бурковић Ж.* Негош у писмима. Подгорица, 2005. С.195.
- ⁵⁹ О монашеских томлениях Негоша см. «Трагови љубавнога живота» в кн.: *Секулић И.* Негошу књига дубоке оданости. Београд, 1951. С.116-127.
- ⁶⁰ *Спасић К.Ј.* Негош и французи... С.246-247.
- ⁶¹ Завещание Петра II Петровича Негоша 20 мая 1850 г. см.: *Milović J.* Njegoš u slici I rijeci. Tinograd, 1974.
- ⁶² Библиография о Петре II Петровиче насчитывает около 10 тысяч названий. См.: *Osolnik V.* Istorija književnosti o Petru II Petroviću Njegošu. Podgorica, 1999; *Спасић К.* Негош и французи... С.731. Ему в 1881 г. посвящена опера «Черногорцы» чешского композитора К. Бендла (либретто И.О. Весели). // Научни састанак слависта у Вукове дане: реферати и саопштења. Београд, 1990. Т.18/2. Негошево песничко дело. Београд, Нови Сад, 1988. С.526-527.
- ⁶³ *Велимировић Н.* Религија Негошева. Пето издање. Шабац, 1987. Репр.: Београд, 1921. С.ХІІІ, 28.

TWO SLAVIC REFORMERS WHO HAD CHANGED THE FACE OF THEIR COUNTRIES: PETER I THE GREAT AND PETER II NEGOSH

© 2013 V.A. Artamonov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow

The fate of the great Russian and small Montenegro equally had been changed by two reformers - Peter I (1672-1725) and Peter Negosh II (1813-1851). Both of them were legislators and autocrats, had a wide range of interests, clear natural intelligence, a great capacity for work and irrepressible curiosity. Two Slavic geniuses pulled their peoples out of backwardness.

Keywords: Russia, Montenegro, Serbia, Slavic solidarity, anti-conservatism.